имеет в виду как раз те черты конструкции церковнослужебного текста, которые при переводе его с языка на язык полностью сохранялись. Возможно, эти особенности формы, тесно связанные с содержанием, были одними из основных и в глазах славянских переводчиков и авторов.

В самом деле, стихотворный размер, даже изоморфность греческих строф-тропарей могли при распевном исполнении не восприниматься слушателями. Но ритмические интонационно-смысловые «удары» в началах строк и «параллелизм» соседствующих синтаксических конструкций, т. е. ритм интонационных «фраз», не должны были минуть внимания и чувств слушателей. Эти интонационные ритмы и создавали — одинаково в Византии и на Руси — особое церковно-поэтическое настроение, помогая словам проникать глубоко в человека. Суть же дела, конечно, в смысле слов. Стало быть, главное в правилах гимно- и молитвописания славянами было усвоено сразу.

А для судьбы жанра существенным было то, что место литургической поэзии в храмовом ансамбле искусств оставалось у славян — при всех связанных с переходом потерях — прежним, тем же, что и у греков, ключевым (литургическую поэзию от просто поэзии и отличает эта связь с другими родами искусства и литературы).

К тому времени, когда первая волна переводных церковнослужебных текстов хлынула на Русь, в самой Византии гимнографическая активность заметно спала. «Гимнописание на Востоке, — пишет Э. Веллес, — пришло к концу в ходе одиннадцатого столетия»; [38] «византийская литургия была кодифицирована, и форма, данная ей в одиннадцатом веке, осталась практически неизменной вплоть до наших дней. За исключением нескольких гимнов, которые были добавлены после кодификации, церковное песнетворчество зашло в тупик».[39]

Собственное русское сочинительство, возбужденное этой первой волной переводов, тоже не было очень плодотворным: «Период от XI до XIII века дал русской церкви менее десятка служб собственного русского творчества».[40]

Оживление церковного песнописания в православных странах и новая волна переводов с греческого на славянский приходятся на XIV в. — период «православного возрождения», время активизации и в иных областях церковного творчества.

Филарет Гумилевский в своем «Историческом обзоре песнопевцев и песнопений греческой церкви» (3-е изд., СПб., 1902, стр. 357—374) писал о семи греческих гимнографах XIV в.; из них «к самым плодовитым песнотворцам позднего времени» он относит патриарха Филофея. Почти не комментируя, Филарет называет двадцать девять его литургических произведений. Сейчас, как уже говорилось, их известно более сорока, и нельзя пока быть уверенным, что это всё.

Конечно, по сравнению с количеством произведений авторов классического расцвета византийской гимнографии, это мало. Но даже этот сравнительно небольшой поздневизантийский материал почти вовсе неизвестен науке. Отсюда понятно, почему возрождение литургического творчества XIV в. выпадает из поля зрения современных византологов. Перед необходимостью знакомства с этим явлением ставят нас сейчас

---

[38] The Cambridge Medieval History, Vol. IV. The Byzantine Empire, Part II. Cambridge, 1967, p. 150.

[39] E. Wellesz. A History..., p. 127.

[40] Ф. Г. Спасский. Русское литургическое творчество, стр. 311; Библиографию вопроса см.: Р. Матьесен. Текстологические заметки о произведениях Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXVI, Л., 1971, стр. 197, сноска 21.